

УДК 82.09 (410)

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ

С.В. ПЕШКУН

*(Полоцкий государственный университет)**Анализируются важнейшие понятия постмодернистского литературоведения.*

В постсоветской литературной критике появились термины «интертекстуальность» и «интерсубъективность». Но их осмысление сводится к элементарному историческому описанию возникновения и развития терминов. Проблематизация феномена интертекстуальности заменяется историческим обзором его объяснения теоретиками структурализма и постструктурализма. Один за другим повторяют, что термин «был впервые введен Кристевой в 1967 году на основе анализа концепции «полифонического романа» М.М. Бахтина». Фраза повторяется от источника к источнику, не представляя собой никакой теоретизации и не давая стимула для критики. Но другая фраза Кристевой: «текст есть перестановка текстов, интертекстуальность: в пространстве данного текста, некоторые предложения, взятые из других текстов, пересекаются и нейтрализуют друг друга» [1, с. 44. - Здесь и далее перевод мой. - С. Я.] остается без внимания, хотя в ней есть определенный момент, который требует уточнения. Согласно Кристевой, получается так, что автор сознательно выбирает из множества текстов других авторов определенные части и распределяет их по своему вкусу. Кристева не берет в расчет то свойство текста, согласно которому текст бессознательно включает множественность других текстов, текстуализуя самого автора. Кристева также выделяет значимость избирающего субъекта - автора - и использование этим субъектом литературных источников, не принимая в расчет то, что интертекстуальность, являясь всеобъемлющей средой, выходит за рамки литературных текстов и нейтрализует не тексты как таковые, а автора.

Современная постструктуралистическая теория, являясь своего рода философской базой критического осмысления нынешней стадии развития современного общества, не приемлет довольно узкого определения интертекста, которое была дано Кристевой. Несмотря на то, что основным средством существования человеческого общества является обмен информацией, которая предстает перед нами в форме текстов, основной средой, в которой живет субъект, является текст, на что и опирается Кристева, в современном мире приходится учитывать тот факт, что происходит не обмен информацией, а обмен и взаимовключаемость информационных потоков, огромная численность которых делает наше представление о едином, едино правильном, оригинальном, своеобразном тексте, а также об устойчивом источнике цитаты или аллюзии, невозможным. Растворяясь в бесчисленном количестве означающих, текстуализованная реальность становится множественной и плюралистичной, оторванной от конечности, определенности, оценочности, к которым тяготеет рациональное сознание субъекта. В современном мире нет конечного значения или истины, нет первотекста, нет и не может быть нейтрализации одного текста другим, поскольку каждый из текстов представляет собой множественное непостоянство и бесконечную неопределенность. В работе М.Ю. Орлова «Трагическая ирония» находим, что «интертекстуальность ... обращена к другим прецедентным текстам; интертекстуальная отсылка выступает как «смещенный» парадигматический элемент, восходящий к забытой синтагматике» [2, с. 12]. В данной фразе в очень узком ключе определяется проблема интертекста ввиду того, что и прецедентность текстов, и забытая синтагматика указывают на то, что одни тексты, а именно те, что были произведены ранее, представляют собой более ценный материал для писателя, нежели другие - те, которые создаются автором в процессе письма, и которые объединяются в один большой интертекст, или гипертекст, не по воле самого писателя, а в силу своего внутреннего свойства к соединению, структурализации, включениям, что вовсе не обязательно предполагает отсылку к другим, ранее существовавшим текстам. Поле интертекстуальности создается в конкретном тексте бессознательно, под воздействием на субъект структур языкового кода, которые представляют собой бесконечный поток множественных текстов, их производных, а также производных их производных. Такой поток бесконечен и представляет собой постоянный процесс текстового обмена, протекающего по принципу включения Другого в рамках нескончаемого диалога, который существует в тексте и в человеческом обществе. Очень часто литераторы прибегают к критике интертекстуальности как явлению паразитическому, засоряющему чистоту литературной формы. В данном случае в расчет принимаются только те случаи интертекстуальности, которые мы называем игровой или поверхностной пародией, где в современный текст вводятся части классической литературы и обыгрываются автором в современном культурно-историческом аспекте. Таким образом выражается преимущество своего рода «первотекста» перед текстом игровой (неглубокой) пародии. Не совсем ясным представляется отечественному критику тот факт, что литература, считающаяся традиционной или классической, также использует методику включения различных внешних текстов, и помимо этого, играет с частями своего собственного текста, бесконечно их распределяя и перераспределяя.

В некоторых философских и литературоведческих словарях «интертекстуальность» определяется как «понятие постмодернистской текстологии, артикулирующее феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего» [3, с. 96]. Из данного определения не понятно по какому принципу происходит интериоризация внешних текстов, и совсем незаконченной выступает фраза о взаимодействии текста с внешним и качестве его интериоризации. Текст, равно как и язык, конструирует реальность для субъекта и конструирует сам субъект. Тексты создают контекст или контексты, вступают друг с другом в почти интимные отношения. Текстовая продуктивность производит конструирование множества версий действительности, которая тоже представляет собой не один огромный текст, разбитый на множество разобренных отрезков, а множество взаимовключающих свободных в своем движении текстов. Так образуется пространство, именуемое интертекстуальностью. Интертекстуальность видится как среда, в которой сосуществуют гетерогенные тексты, находящиеся в постоянном процессе взаимопроникновения, взаимообмена, взаимовключения, субъекты, воспринимаемые как тексты, и реальный мир, который представляет собой не более чем текст. Сознание субъекта есть лишь сумма текстов в той массе разнообразных текстов, которые и составляют мир культуры и культурный или социальный мир реальности. Реальность представляет собой ничто иное, как осознание этой реальности, производимое под воздействием конструирующей силы языка и текстов. Поскольку, по словам Деррида, «ничего не существует вне текста», то и субъект и мир, который его окружает, находятся внутри текста. И.П. Ильин в своей книге *«Постмодернизм: от истоков до конца столетия»* указывает, что такая «Панъязыковая и пантекстуальная позиция ...[.] редуцирующ[ая] сознание человека до письменного текста, а заодно и рассматривающ[ая] как текст (или интертекст) литературу, культуру, общество и историю, обуславливала... постоянную критику суверенной субъективности личности и порождала многочисленные концепции о «смерти субъекта», через которого «говорит язык» (М. Фуко), «смерти автора» (Р. Барт), а в конечном счете и «смерти читателя», с его «текстом-сознанием», растворенном в всеобщем интертексте культуры...» [4, с. 201]. Субъект растворяется во множестве текстов, будучи одним из них и вступая с ними в многочисленные связи. Соответственно, субъект обезличивается и децентрализуется. Кажущаяся самостоятельность или оригинальность является вымыслом, фикцией, текстом в силу того, что памяти субъекта свойственно забывать источники, с помощью текстов которых субъекту удается конструировать новые тексты. Здесь уместно вспомнить Барта, который в своей работе *«Теория текста»* указывает на забывчивость и безличность субъекта: «Любой текст является новой тканью для прошлых цитат. Куски кодировок, формул, ритмических моделей, фрагменты социальных языков, ...проникают в текст и перераспределяются внутри него, ввиду того, что нет ничего раньше языка и нет ничего вокруг текста. Интертекстуальность, будучи условием существования любого текста, не может быть определена как возможность использования других источников или влияния других текстов; интертекст - общее поле анонимных формулировок, природу которых едва ли можно установить, бессознательных или автоматических цитат, приводимых без кавычек» [5, с. 176].

В действительности, каждая сказанная субъектом фраза есть продукт усвоения частей каких-либо текстов, услышанных, увиденных или прочитанных самим субъектом. Произнося такую фразу, субъект теряет свою значимость и превращается в объект, на который направляют свое действие бесконечные тексты. Такой объект всегда анонимен, но полифоничен - он представляет собой полигон, на котором разворачивают «боевые» действия разнообразные тексты, соединяясь и разъединяясь, включая одни цитаты и исключая другие, расставляя и переставляя акценты. Как бы этого не хотелось, но следует признать, что рациональное мышление субъекта вводит его самого в заблуждение. С одной стороны, кажется вполне естественным тот факт, что субъект производит текст, а не является продуктом такого текста. Происходит это в силу того, что субъект является таковым потому, что выступает в качестве силы, лингвистического потенциала, который произносит «Я», например, в предложениях «Я это сделал» или «Я это сказал», и т.д. Такое «Я» оформляет корректные грамматические структуры и фонетические синтагмы. В то же время, «Я» в таких предложениях теряет свойство субъекта, поскольку не субъект является основой высказывания, а язык - его лингвистическая кодировка, в которой существует сам субъект и мир его окружающий, облачаясь в самые разнообразные тексты и формы языкового существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kristeva J. *Essays in Semiotics // Essais de semiotique*. - London: Routledge, 2002. - 294 p.
2. Орлов М. Трагическая ирония // «Социально-гуманитарное и политологическое образование», раздел «Философия языка» (2003, www.humanities.edu.ru).
3. Новейший философский словарь / Под ред. А.А. Грицанова. - Мн., 1999.
4. Ильин И.П. *Постмодернизм: от истоков до конца столетия*. - М.: Интрада, 1998. - 368 с.
5. Barthes R. *Theory of the Text*. - Cambridge: Cambridge University Press, 2001. - 390 p.